

Борьба за Северный Кавказ и «джин» Ахмед Цаликов

Салават Исхаков

В будущем непревзятый «историк путем объективного, спокойного исследования в свете событий тех времен, всех исторических фактов и документальных данных, — писал в эмиграции кабардинец П. Коцев, в 1918–1920 гг. председатель правительства Горской республики, — изучит всю ту сложную, многогранную историческую обстановку, которая привела к падению... все кавказские республики... и даст действительную... историю жизни борьбы народов Кавказа»¹. По истории этой республики до сих пор нет монографического исследования, а 100-летие ее провозглашения даже не отмечалось научной общественностью в республиках Северного Кавказа.

Одним из ключевых участников борьбы за эту республику был осетин-мусульманин Ахмед Цаликов, писатель и политик. Его роль в истории этой борьбы недостаточно изучена, хотя он довольно популярная личность в историографии. Он стал революционером в самом начале XX в. В советской историографии отмечалось, что Цаликов являлся видным деятелем меньшевизма, что после 1905 г. стал одним из создателей теории мусульманского социализма, ставя якобы целью создание мусульманского общества². Причем его относили и к панисламистам, и к буржуазным националистам, и к туркофилам, и к сепаратистам, выступавшим за отторжение Кавказа от России и образование Северо-Кавказского мусульманского государства под эгидой Турции³.

В советской перестроечной историографии первой научной публикацией, в которой не было прежних штампов о нем, стала небольшая статья (с впервые публикуемой его фотографией) в энциклопедическом издании, подготовленном в конце 1980-х годов в Академии наук СССР.⁴ В турецкой историографии также ему стали уделять внимание, характеризуя его как лидера интеллигентов-мусульман России и Северного Кавказа, борцом за его свободу⁵.

¹ Коцев П. Как не пишется история // Кавказ (Париж). 1936. № 3/27. С. 10.

² История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе, 1987. Т. 1. С. 487–488.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 419, 473, 489, 540.

⁴ См.: Исхаков С.М. А.Т. Цаликов // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 336–338.

⁵ См., напр.: Turan M.A. Fırtınalı Yıllarda Bir Mücadele Adamı: Ahmet Timbolatoviç Tsalıkattı (1882–1928) // Yedi Yıldız. 1994. No: 3; Turan M.A. Kuzey Kafkasya ve Rusya Müslümanlarının Öncü Aydınlarından Ahmet Tsalıkattı // Tarih ve Toplum. 1996. No: 153.

Спустя почти 10 лет во Владикавказе, на его родине, был издан сборник избранных его произведений⁶, составитель которого филолог З.М. Салагаева поместила статью, которая, согласно распространенной в Северной Осетии точке зрения, вплоть до сегодняшнего дня остается якобы «единственным серьезным научным исследованием его жизненного пути»⁷.

В частности, в 2012 г. на семинаре в американском Университете Нотр-Дам доклад «Utro Gor: Akhmed Tsalikov and the North Caucasus in the Spectrum of Revolutionary Politics» сделала Л. Масгрейв (США)⁸. Надо полагать, что этот доклад вошел в ее диссертацию, которую она защитила в 2017 г. в Индианском университете под названием «Empires, environment, Islam: North Caucasus «mountaineers» in revolution and war, 1905–1926». В 2014 г. в Москве переиздан большой очерк Цаликова о драматических событиях гражданской войны на Северном Кавказе, опубликованный в грузинской газете в 1919 г.⁹, с подробными комментариями, а также ряд документов, связанных с его деятельностью в годы гражданской войны на Кавказе.

Истории северокавказской, в том числе осетинской, эмиграции посвящен целый ряд публикаций московского этнолога И.А. Бабич, которая продолжительное время изучала парижские архивы¹⁰. При этом она не касалась роли Цаликова в жизни кавказской эмиграции и его деятельности в Европе вообще, игнорируя, в сущности, все это.

Таким образом, в политической биографии А. Цаликова остаются большие пробелы, особенно мало что известно и о его эмигрантской и прометеевской деятельности, а целый ряд его опубликованных и неопубликованных текстов периода 1917–1928 гг. еще не вошел в научный оборот. Цель данной статьи — дать краткий обзор его политической биографии.

⁶ Цаликов А. Избранное. Владикавказ, 2002.

⁷ Белоус Л.В. Поэтика А. Цаликова: монография. Владикавказ, 2017. С. 7.

⁸ <https://nanovic.nd.edu/events/2012/10/05/midwest-russian-history-workshop-2/>

⁹ См.: Очерки А. Цаликова «Гражданская война в Терском крае» // Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014. С. 420–447.

¹⁰ См.: Бабич И.А. Теория построения государства на Северном Кавказе (северокавказская эмигрантская мысль 1920–1930-х гг. в Европе // История государства и права. 2011. № 21–23; Она же. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб., 2012. С. 376–402; Она же. Кавказцы и российская государственность (на примере участия кавказцев в русских масонских ложах Франции 1920–1940-х гг.) // Вестник российской нации. 2014. № 6 (38). С. 173–188; Она же. Кубанцы и кавказцы: вместе и врозь в европейской эмиграции (1919–1930-е годы) // Научная мысль Кавказа. 2012. № 1 (69). С. 84–92; Она же. Осетины во Франции (1919–1939 гг.) // Вестник Владикавказского Научного центра РАН. 2016. Т. 16. № 3. С. 16–19; Она же. Исламские ценности в жизни кавказских эмигрантов во Франции (1919–1939 гг.) // Исламоведение. 2016. Т. 7. № 1 (27); Она же. Осетинские судьбы во Франции // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 19 (58). С. 131–133; Она же. Жители Северного Кавказа и юга России в эмиграции (1919–1939 гг.): между Родиной и Францией // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 3 (33). С. 309–322; и др.

Цаликов — один из первых социалистов-мусульман

Ахмед Тембулатович Цаликов (по-осетински Цалыккаты) родился 27 декабря¹¹ 1882 г. в Терской области, в с. Мусульмановское (осетинское название Ногкау), недалеко от г. Владикавказа. По окончании Ставропольской мужской классической гимназии он поступил в 1900 г. на юридический факультет Московского университета, где участвовал в студенческом движении и увлекся революционными идеями, а вскоре вступил в РСДРП, стал меньшевиком и руководителем ряда студенческих кружков. В марте 1901 г. его выслали из Москвы в г. Ставрополь, где он находился под негласным наблюдением полиции. В феврале 1902 г. за участие в студенческих беспорядках его арестовали и приговорили к шестимесячному заключению, которое он отбывал в уфимской тюрьме. 22 июля 1902 г. он был досрочно освобожден в числе других участников этих волнений, после чего обратился с прошением вернуться для продолжения образования в Московском университете. В университете решили отложить принятие его в ряды студенчества до 1903 г. В 1903 г. за революционную деятельность его выслали из Москвы на Кавказ, где он продолжил заниматься организацией социал-демократических комитетов в Терском крае и вести революционную работу в родной Осетии. Деятельность его вскоре охватила и Дагестан, и в результате был создан Терско-Дагестанский комитет РСДРП, а Цаликов стал членом социал-демократического комитета, который образовался во Владикавказе летом 1904 г., затем стал лидером меньшевиков в Осетии. В 1904 г., вернувшись в Москву, он был избран представителем от Московского университета на всероссийский съезд студентов в Киеве (нелегальный). В 1906 г. Цаликов сдал государственные экзамены и в марте 1907 г. получил диплом юриста. На короткое время он пробовал заняться адвокатурой, но вскоре вернулся к политической деятельности, координируя, в частности, деятельность Терско-Дагестанского и Северо-Кавказского союзов РСДРП, Владикавказского, Кубанского и Армавирского комитетов РСДРП. Прославился он тем, что выступил во Владикавказе за созыв беспартийного рабочего съезда и создание широкой классово-политической организации пролетариата накануне V (Лондонского) съезда РСДРП (1907 г.), за что подвергся критике со стороны В.И. Ленина. Цаликов сотрудничал в меньшевистских изданиях «Наше дело», «Возрождение» и др.¹²

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 6204. Л. 1. Эта дата указана в анкете, заполненной и подписанной Цаликовым 22 мая 1924 г. в Праге. На сайте Архивной службы Республики Северная Осетия – Алания указана ошибочная дата его рождения — 26 сентября. (URL: <http://archive-osetia.ru/>).

¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 100. Д. 1704. Л. 5–6, 12 об, 13; *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 336–338; *Он же.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 20–21, 83.

Во время Первой русской революции Цаликов, по данным властей, вел агитацию среди осетин за отторжение Терской области от России. Под его влиянием оказался осетинский союз учителей, который возглавил движение по освобождению Северного Кавказа и постановил поднять осетин на вооруженное восстание¹³. Но этот план, если он действительно имелся, а не был домыслом чиновников, остался на бумаге.

Как бы ни было, именно тогда Цаликов заинтересовался мотивацией поведения горцев-мусульман¹⁴. Критикуя русскую историографию, он писал, что «не религиозный фанатизм, о котором так любят распространяться официальные кавказские историки, а экономическое и социально-политическое порабощение горцев питало в их сердцах теплые чувства к соседней Турции». Далее он делает важное наблюдение: «В своих надеждах, в своих теплых чувствах горцы, несомненно, ошиблись, но им нужна была манящая иллюзия, так как слишком сурова и непритягательна была действительность»¹⁵. Так обрисовал Цаликов те социальные, культурные и экономические проблемы, которые не решались властью в отношении горского населения, а также причины тяготения горцев к Турции. Как справедливо он отмечал, «всесильная бюрократия... всегда стояла на пути всяких прогрессивных начал среди мусульман, всегда игнорировала его элементарные культурно-экономические потребности»¹⁶.

Особенностью межэтнической ситуации в Северной Осетии было то, что все помещики исповедовали ислам, в то время как большинство населения остальной Осетии были христиане, и потому неминуемо в борьбу за землю стали бы вноситься «религиозные мотивы», а это могло, писал он в 1906 г., повести к межконфессиональным осложнениям и на Северном Кавказе в целом¹⁷, что и произошло там в годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны.

В 1908–1910 гг. в Северо-Кавказском и Терско-Дагестанском союзах РСДРП обострилась внутрипартийная борьба, а Цаликов, как сказано в коллективном труде осетинских историков, стал лидером «ликвидаторского» течения, которое выступало против нелегальной партийной работы¹⁸. Это не так. В апреле 1908 г. он, находясь во Владикавказе, был обвинен в хранении нелегальной ли-

¹³ Кэмтинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо-кавказское исследование). М., 2005. С. 209; *Он же*. Пятигорская республика в декабре 1905 года: исследование и материалы. М., 2006. С. 71.

¹⁴ См., например: Ца[лик]ов А. В горах Кавказа. Революционное движение в северной Осетии // Итоги и перспективы. Сб. статей. М., 1906. С. 94–114.

¹⁵ [Цалик]ов А. К инородческому вопросу на Кавказе // Возрождение. 1908. № 1. С. 56.

¹⁶ [Цалик]ов А. Среди мусульман // Возрождение. 1909. № 1–2. С. 79.

¹⁷ Ца[лик]ов А. В горах Кавказа... С. 105.

¹⁸ История Северной Осетии: XX век. М., 2003. С. 45–46.

тературы, но ему удалось скрыться от полиции и уехать в Москву, где он прожил до лета, а затем ему пришлось вновь, спасаясь от полиции, уехать. В июне 1909 г. его арестовали в Петербурге и отправили во Владикавказ, в ноябре 1909 г. его приговорили к годичному тюремному заключению. Приговор вступил в силу в марте 1910 г., и Цаликов отбывал наказание в армавирской тюрьме, откуда вышел на свободу в марте 1911 г. И в такой ситуации ему удалось подготовить и издать общественно-политический, экономический и литературный альманах «Утро гор», посвященный жизни горцев Кавказа. Издание вышло в Баку в 1910 г., был издан только один номер.

В Москву он вернулся в октябре 1911 г. За ним велось негласное наблюдение, согласно которому, в частности, 29 ноября 1914 г. он побывал в редакции московской газеты «Русское слово», 30 ноября — в редакции «Деревенской газеты»¹⁹. В московском журнале «Живое слово» в 1914 г. (№ 10) опубликована его восторженная статья «Памяти великого борца», посвященная К. Марксу²⁰.

Он печатался и в других столичных изданиях — «Раннее утро», «Утро России», «Вестник Европы», а также на Кавказе²¹, затрагивая при этом и острые вопросы мусульманской жизни. Так, в петербургской газете он в 1909 г. писал, что «одним из самых крупнейших вопросов» этого населения является вопрос о «коренной реорганизации» духовного управления, которое «страдает полной бессистемностью», «противоречивыми наслоениями», бюрократизмом, что, однако, «совершенно соответствует видам правительства», которое полагает, очевидно, что «даже подобного рода забота о мусульманах — излишняя роскошь»²².

В мае — сентябре 1915 г. Цаликов сотрудничал с либеральным московским журналом «Национальные проблемы»²³. Кроме того, он — автор нескольких книг о национальной политике царизма в отношении мусульманского населения империи.

Скорее всего, в Москве он познакомился с Зинаидой Николаевной Ледовской. Она родилась в 1891 г. в Курской губернии в купеческой семье, окончила женскую гимназию в Курске в 1912 г., став домашней учительницей истории и географии. В сентябре 1912 г. она поступила на экономическое отделение Московского коммерческого института, из которого выбыла в начале 1916 г.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 493. Л. 23, 28, 31; Оп. 44. Д. 74. Л. 1–6; Оп. 44. Д. 5476. Л. 2–5; Ф. 102. Оп. 205. Д. 2508. Л. 1, 3, 7, 10, 11.

²⁰ История Северной Осетии... С. 99.

²¹ См. подробнее: Салагаева З. Ахмед Цаликов // Цаликов А. Избранное. Владикавказ, 2002. С. 415–502.

²² Слово (Петербург). 1909. 16 июня.

²³ См.: Национальные проблемы. 1915. № 1–4.

за невнесение платы за обучение. К 1916 г. она была замужем за Цаликовым²⁴. Этот брак со славянской православной девушкой означает, что у него не было каких-либо предрассудков.

В Москве он, будучи помощником присяжного поверенного, являлся издателем столичной мусульманской газеты «Сюз» (Слово), которая стала выходить с декабря 1915 г., но летом 1916 г. была закрыта властями, как обычно, ввиду «ее вредного направления». Он стал членом созданного в Петрограде в феврале 1916 г. бюро (из нескольких экспертов-интеллектуалов, представлявших Северный Кавказ, Туркестан, Крым и Поволжье) при мусульманской фракции Государственной думы.

Несомненно, важный мотив борьбы его с властью за права мусульман проистекал и из семейной трагедии. Половина фамилии, к которой он принадлежал, после покорения Кавказа в XIX в. не пожелала подчиниться русскому владычеству и предпочла бросить родные горы и удалиться в добровольное изгнание в Турцию. Во время Первой мировой войны все его родственники в Эрзерумском вилайете погибли²⁵.

К весне 1917 г. прекрасно образованный Цаликов был не только теоретиком, но и опытным политиком, о чем кратко написал в 1917 г. так: вел жизнь революционера, «скитавшегося по тюрьмам тогда, когда многие господа, ныне пытающиеся творить политику, мирно плескались в лужицах обывательского благополучия»²⁶.

Цаликов в русской революции

Под руководством Цаликова Временное Центральное бюро российских мусульман, созданное в середине марта 1917 г. в Петрограде, с первых дней своего существования приступило к собиранию сил, организации, развертыванию политической работы в массах и решало самые разнообразные вопросы текущей политики, пропаганды и агитации, издательской работы. Главным делом бюро был созыв общего съезда мусульман всей империи.

В работе Всероссийского мусульманского съезда, который состоялся в Москве 1–11 мая 1917 г., приняли участие 900 делегатов — представителей всех мусульманских народов империи. Среди участников были почти все депутаты четырех государственных дум, много офицеров и солдат, около 300 мулл, группа мусульманок со всех концов страны (около 100, почти 3/4 из них студентки и выпускницы высших учебных заведений), которые впервые на съезде мусульман явились его равноправными участниками, в чем есть заслуга и Цаликова.

²⁴ Центральный государственный архив Москвы. Ф. 417. Оп. 28. Д. 70. Л. 2, 6, 9, 14.

²⁵ Известия Всероссийского мусульманского совета (ИВМС). 1917. 27 октября.

²⁶ Там же. 10 ноября.

Выступая на съезде 3 мая, он сказал, что стремление к федерализму «есть лишь выражение роста унитарной идеи», практически же необходимо «широкое областное самоуправление, как проявление самостоятельности общества». Разница между областным самоуправлением и федеративной автономией, по его мнению, состояла в том, что «при автономии встанет необходимость помимо общего парламента иметь еще вторую палату, в которой будет представительство от автономий», а между тем двухпалатная система излишня для защиты национальных интересов. Цаликов выступал за «создание национального культурного парламента мусульман в России, избранного на основах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, который был бы признан конституцией России, как публично-правовой орган мусульманской нации», за «самую широкую децентрализацию областной России, но против территориального федерализма».

Касясь распространенных в русском обществе обвинений мусульман в сепаратизме, Цаликов отверг их, пояснив, что «вряд ли требует детального рассмотрения, вряд ли может существовать такая политическая группа, которая бы поставила на своем знамени отложение от России и создание самостоятельного мусульманского государства», для чего, по его оценке, «нет никаких разумных данных», в том числе на Северном Кавказе²⁷.

7 мая на съезде было проведено голосование по главному вопросу: за какое государственное устройство выступают мусульмане страны? Считается, что на съезде победили федералисты, так как большинство (446 голосов) участников съезда высказалось за идею территориально-национальной автономии; сторонников культурно-национальной автономии оказалось намного меньше (271 голос). Объясняется этот факт тем, что, во-первых, к тому времени идея федерализации страны — в основном благодаря эсеровской пропаганде — стала вытеснять культурно-автономистские планы в действиях политических элит всех народов России. Мусульмане не составляли исключения. Поэтому часть делегатов («федералисты» из Азербайджана, Башкирии, Казахстана, Крыма, Туркестана) выступили за национально-территориальное устройство; другие, ядро которых составила большая группа представителей татар Поволжья и часть делегатов Северного Кавказа, — за национально-культурную автономию. Во-вторых, тем, что расхождения между «федералистами» и «унитаристами» вовсе не носили идейно-теоретического характера. Успех «федералистов» произошел потому, что многие делегаты не придавали большого значения различиям между территориальной и культурно-национальной автономией.

²⁷ Цаликов А. Мусульмане России и федерация. Речь, произнесенная на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 9, 12.

11 мая, в последний день работы, съезд выбрал Всероссийский мусульманский совет (ВМС) из 30 человек, избравших свой Исполнительный комитет [ИК ВМС, или Икомус (по принятой тогда аббревиатуре), или по-тюркски Милли шуро (Национальный совет)] в составе 12 лиц с пребыванием в Петрограде. Председателем ВМС был избран Цаликов, он же управлял исполкомом и, естественно, влиял на принятие решений ВМС, которые касались мусульман всей империи.

После съезда Икомус обратился к Временному правительству с просьбой по всем вопросам, касающимся мусульман, контактировать с ним как «единственным политическим центром всего мусульманского мира России»²⁸. В конце мая Икомус делегировал своих представителей в Петроградский совет крестьянских депутатов, в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (им был Цаликов), в Комиссию по духовным делам при Департаменте иностранных исповеданий МВД и др.²⁹ Цаликов также стал главным редактором петроградской газеты «Известия Всероссийского мусульманского совета», которая стала выходить с 30 июня 1917 г. Спектр рассматриваемых в газете проблем был достаточно широк: печатались общеполитические статьи, публицистические заметки, протоколы, хроника мусульманской жизни, новости из жизни народов, сообщения о различных изданиях и др. Перу Цаликова принадлежит ряд статей, большая часть которых была без его подписи, но по его яркому стилю сразу видно, что он являлся их автором.

Во время очередного правительственного кризиса и событий 3–5 июля 1917 г. в Петрограде, когда в столице произошли массовые демонстрации с требованием отставки правительства и передачи всей власти Советам, вечером 3 июля состоялось частное совещание мусульманских политиков. На нем был поднят вопрос о необходимости принятия мер к тому, чтобы добиться включения в реорганизуемое коалиционное правительство представителей мусульман страны. 4 июля состоялось заседание исполкома ВМС с участием членов ВМС. Было решено требовать включения в состав коалиционного правительства представителей от мусульман, и была направлена делегация для переговоров с правительством. Во время почти часовой встречи с членами делегации глава правительства кн. Г.Е. Львов заявил членам делегации, что он в принципе согласен с их предложением, поинтересовался, какие кандидатуры выдвигаются. После этого разговора мусульманские политики обсудили кандидатуры. Во время этого совещания Цаликов заявил, что самым подходящим на первое

²⁸ Речь (Петроград). 1917. 30 мая; Вестник Временного правительства (Петроград). 1917. 21 июня.

²⁹ *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004. С. 189.

время требованием для мусульман являлся бы пост министра государственного призрения. В итоге участники совещания решили добиваться предоставления постов министра государственного призрения и заместителей министров просвещения и земледелия. На должность министра государственного призрения были предложены пять кандидатур, в том числе Цаликов. После голосования остались две кандидатуры, включая Цаликова. Таким образом, он мог стать министром социального обеспечения коалиционного правительства³⁰. Хотя вскоре Львов ушел в отставку, Цаликов не потерял надежду на вхождение в правительство, надеясь на поддержку меньшевистских лидеров.

В редактируемой правым меньшевиком А.Н. Потресовым газете «День» 13 июля было опубликовано обращение исполкома ВМС «К мусульманам России!», составленное, судя по стилю, Цаликовым. В нем он призывал их «укреплять всеми средствами» правительство, «и тогда мы получим все, или, если падет правительство, лишимся всего». 24 июля было сформировано новое коалиционное правительство, в котором не было представителя ВМС, предложения мусульманских политиков вновь не были реализованы, к чему они подготовились.

22 июля в Казани на объединенном собрании участников трех всероссийских съездов (военного, мусульманского и общего) была провозглашена национально-культурная автономия мусульман Европейской России и Сибири, были созданы органы проведения ее в жизнь — Национальный парламент и Национальное управление (правительство), состоящее из трех ведомств (просвещения, финансов и религии), а также Коллегия по осуществлению культурно-национальной автономии мусульман внутренней России.

Оценивая итоги 2-го Всероссийского (общего) мусульманского съезда в Казани, Цаликов писал, что здесь было решено идти в избирательной кампании в Учредительное собрание с социалистическими партиями. «И на первый взгляд это решение съезда может показаться неожиданным, если принять во внимание социальное многообразие мусульманского блока, отсутствие у него единого социального лица. Но в данное время причины национального и политического характера затупевали остроту социального антагонизма и дали революции опору в 30 миллионах граждан-мусульман»³¹. В результате эсеры получили большое количество голосов избирателей-мусульман на выборах, а до этого о каком-либо реальном влиянии социалистов на мусульманские массы не было и речи. Во время этой избирательной кампании крымские меньшевики, получив указания своего ЦК, включили Цаликова в один список с такими своими лидерами, как М.Г. Церетели, Ю.О. Мартов³². Однако в конце

³⁰ Там же. С. 199–201.

³¹ ИВМС. 1917. 11 августа.

³² Меньшевики в 1917 году: В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 669–672.

концов Цаликов вошел в другой список — Мусульманского социалистического комитета в Казани.

ВМС и лично Цаликов сыграли важную роль в предотвращении похода воинских частей на Петроград под командованием верховного главнокомандующего русской армии генерала А.Г. Корнилова, который отводил Кавказской туземной конной дивизии роль главной ударной силы. Исполком ВМС предложил ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов отправить своих представителей навстречу кавказцам. Мусульманская делегация во главе с Цаликовым убедила горцев не вмешиваться в дела русских, обещала, что правительство отправит дивизию на Кавказ, в родные места, что и произошло. 3 сентября последовал такой приказ³³.

17 сентября, выступая на Всероссийском демократическом совещании в Петрограде (14–22 сентября 1917 г.), Цаликов указал, что когда упоминается ВМС, «большинство русских граждан думает, что здесь объединение на религиозной почве, они думают, что мусульманство противопоставляется христианству». В действительности, объяснял Цаликов, «под мусульманством мы подразумеваем ту великую историческую культуру, которая вписала славные страницы в историю всей человеческой культуры... Мы хотим, оставаясь по почве древней культуры, приобщиться к современной культуре великих завоеваний человечества. Мы хотим идти... своим собственным путем к великим общечеловеческим целям». Он отметил, что революционная демократия к мусульманам страны «относится в большинстве случаев отрицательно». «Мне кажется, — говорил он, — что здесь сказывается... странное пренебрежительное отношение к народам Востока», которых по-прежнему считают «людьми низшей расы». Цаликов указал, что требования мусульман минимальны — создание сильной власти, опирающейся на широкие демократические массы. Все свои требования они представят в Учредительном собрании, до тех пор их представители выступали, во-первых, с предложением образования при правительстве Секретариата по мусульманским делам во главе со статс-секретарем, в ранге товарища министра, во-вторых, за создание Предпарламента, поскольку голос мусульман был «не слышен» в революционных организациях, в которых они представлены не в достаточном количестве. И потому Предпарламент — это единственная возможность довести до сведения русского народа нужды мусульманского населения³⁴. Данные рассуждения показывают, что Цаликов учитывал опыт европейских стран. Правительственный чиновник-мусульманин появился во Франции и Англии во время Первой мировой войны, когда там пришлось перестроить аппараты центральной власти для ее упрочения.

³³ *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция... С. 322–332.

³⁴ *Там же.* С. 347.

Не имея ведомства и определенного круга дел, такой чиновник являлся в правительстве представителем мусульманского населения, служба залогом того, что интересы этой части граждан будут учитываться при проведении тех или иных мероприятий. Так была решена проблема упрочения власти западно-европейскими союзниками России. Такой представитель мусульман страны, как полноправный член кабинета, должен был участвовать в разрешении всех вопросов управления страной, являясь проводником правительства среди них. 22 сентября собрание делегатов национальных организаций, обсудив вопрос о распределении 27 мест, предоставленных им во Всероссийском демократическом совете, решило предоставить ВМС 4 места. Делегация ВМС избрала Цаликова в числе своих представителей во Временный совет Российской республики (Предпарламент). Цаликов стал, таким образом, государственным деятелем провозглашенной 1 сентября 1917 г. Российской Республики, чтобы на таком высоком уровне заниматься проблемами мусульман³⁵.

ВМС должен был, на взгляд Цаликова, «воплощать мощь объединенной революционной демократии мусульманского мира России или даже, вернее, воплощать перед лицом новой России весь тянувшийся к свободе, проснувшийся от векового сна мусульманский мир... стоять на страже интересов народов Ислама, быть народным трибуном своих обездоленных братьев...». Такой «мощный политический центр мусульман России... может играть крупную роль не только в политической жизни России, но и всего мира!»³⁶ Эта фраза означает, что Цаликов задумывался о том, как совместить религиозную систему мировоззрения мусульман Евразии с новыми реалиями жизни, возникшими после русской революции, чтобы определить их роль в мусульманском мире в целом, равно как роль России в исламском мире. На это указывает и то, что в середине декабря 1917 г. появилось сообщение о том, что готовится к печати его книга «Революционная Россия и народы Востока»³⁷. Она не была издана, а рукопись не обнаружена.

Планы Цаликова резко изменились после падения Временного правительства и прихода к власти большевиков. Уже 27 октября 1917 г. со стороны ВМС было заявлено: «Зарево гражданской войны поднялось над страной. В опасности все завоевания революции и сама свобода. Кто бы ни победил в этой борьбе, нельзя закрывать глаза, — в результате страшный удар по революции. ...Что делать мусульманам в этот момент тяжелой социальной борьбы? Мусульманскому населению, как национальной группе, приходится принять все меры к тому, чтобы кровавое зарево гражданской войны как можно менее

³⁵ Там же.

³⁶ ИВМС. 1917. 6 октября.

³⁷ Там же. 15 декабря.

захватило их. Спокойствие и выдержка! Необходимо принять все меры к самообороне от всяких случайностей»³⁸.

28 октября исполком ВМС постановил делегировать трех своих представителей в антибольшевистский Комитет спасения родины и революции, созданный в Петрограде³⁹. Но попытка этого комитета организовать сопротивление большевикам была быстро подавлена. Неприятие их власти со стороны ВМС выражено было в передовой статье его газеты от 10 ноября 1917 г.: «Может быть, никому так не ясно все безумие тактики и нынешней правительственной работы большевиков, как нам, многомиллионному населению восточных окраин России. Нам, перед которыми стоит великий труд “прививки” этому населению культурных начал, являющихся завоеванием человечества, его долгом на трудном историческом пути?!» Здесь выражена вера Цаликова в возможность изменения общественной психологии мусульман всей Евразии, что, по его мысли, потребует, естественно, длительного срока.

В течение двух недель позиция ВМС в отношении советского правительства стала меняться. Это было выражено руководством ВМС в написанной в весьма ироничном духе статье «Обещания большевиков», посвященной обращению СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.): «Все, чего так страстно домогается мусульманское население России, и все, что стоит великим политическим идеалом перед народами мусульманского Востока, обещано правительством народных комиссаров... Но... одна вещь обещать что-либо, а другая вещь выполнить обещанное... Мы можем приветствовать дары большевиков только при условии вступления их на путь соглашения с остальной частью революционной демократии»⁴⁰. Фактически здесь большевикам предъявлен ультиматум, в котором выдвинуто условие того, каким образом ВМС может поддержать советское правительство.

ВМС, зная, что происходит в толще русских народных масс, считал вполне реальным такое развитие событий: «Крах русской государственности, который может явиться неизбежным последствием разгрома революционной демократии столиц, повлечет самые губительные последствия для дела национального самоопределения мусульман России и для быстрого движения их по пути культурного развития. Разгром революционной демократии приведет к торжеству реакции, к взрыву самого темного шовинизма в низах русского народа, и в мутных волнах анархии и междоусобицы погибнут все национальные завоевания»⁴¹. Прогноз этот стал оправдываться уже в ходе русской гражданской войны.

³⁸ Там же. 27 октября.

³⁹ Там же. 10 ноября.

⁴⁰ Там же. 24 ноября.

⁴¹ Там же. 17 ноября.

30 ноября 1917 г. в петроградской газете «Новая жизнь», которую издавали меньшевики-интернационалисты, было опубликовано «Открытое письмо Совету Народных Комиссаров», где Цаликов публично заявил: «Не преувеличивая, можно сказать, что нынешняя власть большевиков ведет такую политику, которая в конечном результате может иметь для мусульманского населения России и Востока совершенно обратное значение...». И это предвидение Цаликова также оправдалось в ходе строительства социализма в СССР.

1 декабря Цаликов встретился с наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным. В ходе продолжительной беседы с ним Цаликов заявил: если большевики будут проводить в жизнь свои обещания и предоставят мусульманам возможность устраивать свою жизнь так, как они хотят, то они сохраняют по отношению к ним лояльность. Сталин сказал, что СНК не требует от исполкома ВМС заявления о поддержке, единственным пожеланием является сохранение мусульманами лояльности, причем они имеют право идти под теми лозунгами, которые они считают более подходящими, голосовать, за кого хотят, и т.п. Он предложил три варианта сотрудничества с их организациями: 1. Образование комиссариата по мусульманским делам, включавшего представителей всех крупных мусульманских народов. 2. Назначение по представлению исполкома ВМС на пост помощника комиссара по мусульманским делам мусульманина-социалиста. 3. В случае неприемлемости этих вариантов сохранение деловых сношений для безболезненного урегулирования возникавших мусульманских проблем. Цаликов, не взяв на себя ответственности, сказал, что ответ сможет дать только после консультаций с крупными краевыми организациями и по возвращении членов исполкома ВМС и ВМС, большинство которых разъехалось в связи с предвыборной агитацией в Учредительное собрание. После встречи Цаликов направил Национальному парламенту мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, заседавшему в Уфе, телеграмму с просьбой рассмотреть эти предложения. Делегаты уфимского меджлиса решили отозвать из ВМС и его исполкома делегатов от Поволжья и создать в Петрограде особую коллегия для переговоров с Совнаркомом⁴². После этого Цаликов направил телеграммы членам ВМС и Икомуса, находившимся в Туркестане, на Кавказе, в Казахстане, в Крыму и в Поволжье, о предстоящей самоликвидации ВМС⁴³.

Все надежды Цаликова в этих условиях были связаны с Всероссийским Учредительным собранием, депутатом которого его избрали. Он прямо предупредил большевистских лидеров: «Никаких посягательств на Учредительное собрание — вот единодушное требование мусульман. В случае, если этот голос

⁴² Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 372–373.

⁴³ ИВМС. 1917. 29 декабря.

не будет услышан, России придется проститься со своими восточными окраинами, начиная от Волги, или завоевывать их снова. Вернее, это придется делать не России, которая перестанет существовать, а тем несколькими губерниям, которые останутся под властью совета народных комиссаров или какого-нибудь убудочного органа, созданного “семейным” порядком, в виде проектируемого национального конвента взамен Учредительного собрания»⁴⁴. Прогноз, который здесь сделан Цаликовым, полностью соответствовал тому, что произошло во время гражданской войны в распавшейся Российской империи.

17 января 1918 г. был создан Комиссариат по делам мусульман внутренней России, что обсуждал Цаликов на переговорах со Сталиным, но это ведомство возглавил не Цаликов. Цаликов же втайне продолжал поддерживать деятельность антибольшевистского Комитета спасения Родины и революции, преобразованного в Союз защиты Учредительного собрания, которое было распущено большевиками. На заседании межфракционного бюро этого союза, которое состоялось 20 января 1918 г., его фамилия была указана в списке участников следующего заседания. 23 января в Петрограде под председательством эсера В.М. Чернова, председателя Учредительного собрания, состоялось совещание представителей социалистических фракций распущенного парламента, на котором присутствовал представитель Мусульманской социалистической партии⁴⁵. Им являлся Цаликов, который и возглавлял эту недавно возникшую партию. Он являлся участником еще одной встречи указанных представителей 31 января 1918 г.⁴⁶

3 февраля 1918 г. члены ВМС, возвратившись из разных регионов страны, собрались в Петрограде. Эта встреча стала последним их заседанием, так как тогда было решено известить центральные мусульманские организации Крыма, Туркестана, Казахстана и Кавказа о самоликвидации ВМС 1 марта 1918 г.⁴⁷ Постановление новой власти об упразднении ВМС было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 23 мая 1918 г. Это решение советского правительства тем не менее имело огромное политическое значение. Как отмечалось в меморандуме британской разведки от 25 июня 1918 г., после роспуска ВМС возник открытый раскол как в Европейской, так и в Азиатской России между мусульманами и большевистским режимом⁴⁸.

⁴⁴ Там же. 8 декабря.

⁴⁵ *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году.* М., 1999. С. 188, 194–195.

⁴⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 275. Оп. 1. Д. 221. Л. 24–25.

⁴⁷ *Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция...* С. 371.

⁴⁸ Public Record Office. CAB 24/57/69. P. 8.

Сам Цаликов, однако, не представлял опасности для большевиков. По удостоверению, выданному ему 5 марта 1918 г. Центральным мусульманским комиссариатом во главе с М. Вахитовым, он командировался на Кавказ для закупки хлеба для голодающей Ферганской области⁴⁹. Дальнейшая политическая карьера Цаликова была, однако, связана не с его мандатом, а с Северным Кавказом.

Цаликов на Кавказе

15 ноября 1917 г. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана провозгласил Горскую республику, включавшую все горские народы, а также ногайцев и туркмен на территории от Каспийского до Черного моря, включая Ставрополье, Кубань и Черноморье. В декларации (2 декабря 1917 г.) ЦК Союза горцев извещал, что ввиду чрезвычайных обстоятельств он решил встать на путь осуществления на горской территории «федеративно-республиканского государственного строя». В связи с этим, Горская республика была провозглашена автономным штатом Российской федеративной республики, а ЦК — её Временным правительством. 3 декабря ЦК Союза горцев постановил, что провозглашаемая автономия распространяется на всю территорию Дагестанской области, на 6 горских округов и Караногайский участок Терской области, а также на территорию ногайцев и туркмен Ставропольской губернии⁵⁰. 11 мая 1918 г. правительство Горской республики объявило о независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана.

Провозглашение Горской республики не вызвало поддержки у северокавказских религиозных лидеров, которые вели борьбу за власть между собой, стремясь ввести здесь в той или иной форме теократическое правление. До сих пор в научной литературе идет жаркий спор о том, какой был статус у шейха Н. Гоцинского: одни полагают, что он был имамом Северного Кавказа и Дагестана, как утверждала советская историография; другие настаивают на том, что он был лишь муфтием Северного Кавказа и Дагестана⁵¹.

Появление Цаликова вызвало поддержку у делегатов IV съезда народов Терека (Владикавказ, 23 июля — 21 августа 1918 г.), на котором его избрали заместителем председателя президиума съезда, а затем председателем Терского областного народного совета. Он оказался в сложной ситуации, так как в начале 1919 г. Горская республика была оккупирована войсками белого генерала А.И. Деникина, который использовала при этом ряд религиозных лидеров. Этот аспект игнорируется в современной историографии.

⁴⁹ Вахитов М. Избранное. Статьи, речи, письма, документы. Казань, 1967. С. 103.

⁵⁰ Известия ВМС. 1917. 29 декабря.

⁵¹ См.: *Доного Х.М.* Нажмуддин Гоцинский. Махачкала, 2011. С. 437.

Достаточно отметить, что в секретном политическом обзоре ситуации на Северном Кавказе, который был подготовлен для командования Добровольческой армии в мае 1919 г. сообщалось, что в конце апреля 1919 г. в с. Ишкарты состоялось собрание старшин и кадиев (судей) Верхнего Дагестана по вопросу об отношении к Добровольческой армии. На этом собрании присутствовал некий Усейн-шейх Урусманов (под этим псевдонимом, на мой взгляд, скрывался Гоцинский), который произнес речь с призывом подчиниться Добровольческой армии, а также наложил запрет на объявление священной войны в отношении деникинцев. Под влиянием его речи участники собрания, вначале настроенные против белых, изменили свое мнение. По итогам собрания были приняты следующие решения: не объявлять священной войны Добровольческой армии; войска, города и берег моря передать белым с тем, чтобы дагестанцам остался их шариат; делегировать в Темир-Хан-Шуру представителей от беков и мулл с тем, чтобы предложить горскому правительству присоединиться к данному постановлению или сложить власть, передав ее новым лицам.

Избранная съездом делегация прибыла в Темир-Хан-Шуру в то время, когда группа военных произвела там помимо воли правительства аресты членов Дагестанского обкома РКП(б) и отправила их в Петровск. Это событие, а также резолюция представителей Верхнего Дагестана окончательно заставили горское правительство признать свое бессилие и отсутствие поддержки среди населения, и 5 мая 1919 г. оно в полном составе подало в отставку. Во главе Горской республики встал Военный совет во главе с ген. М. Халиловым, врагом большевиков и сторонником независимости Дагестана. После чего белые вошли в Дагестан и без боев заняли Петровск и Дербент. После этого правительство 10 мая 1919 г. сложило с себя полномочия. В тот же день дагестанская фракция горского парламента, собравшись совместно с представителями мулл и дагестанской интеллигенции, постановила предложить парламенту принять отставку правительства. Впредь же до созыва Дагестанского областного совета, который был обещан представителями Добровольческой армии, передать всю власть в руки ген. Халилова. Таким образом, Горская республика была ликвидирована⁵². Все получилось именно так, к чему призывал Гоцинский.

На этом последнем заседании парламента произошла бурная дискуссия. Согласно опубликованному протоколу этого заседания⁵³, представитель Чеч-

⁵² ГАРФ. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 24. Л. 77 об. – 78.

⁵³ Коцев, вспоминая об этом событии, отрицал подлинность протокола этого последнего заседания парламента. Он считал его «вольным пересказом официального протокола», который «не вполне» совпадал с оригиналом. Коцев соглашался только с тем местом в этом пересказе, что тогда подавляющее большинство депутатов голосовало против предложения ликвидировать парламента и правительство (Коцев П. Указ. соч. С. 8, 9). Тем не менее дагестанская фракция отказалась от работы в парламенте, в силу чего парламента был распущен на неопределенное время, а правительство прекратило свою работу.

ни шейх Юсуп-хаджи Байбатыров, обращаясь к заместителю⁵⁴ шариатского имама Северного Кавказа, сказал: «Здесь с этой трибуны месяц тому назад раздавался глас дагестанского духовенства⁵⁵, призывая на “газават”, когда черные тучи реакции надвигались на Чечню; здесь с этой трибуны кричали те дагестанцы, которые теперь малодушно капитулируют перед опасностью... Мы верили вам и вашим клятвам. Сотни вдов и сирот, истекавших святой кровью за свободу Ингушетии, смотрели сюда и ждали вас в минуты отчаяния, когда враг Деникин предавал огню мечу цветущие аулы. Увы, вы молчали. Черные тучи наконец кровавым дождем разразились над Чечней. Вы все молчали... Теперь, после поражения ингушей и чеченцев, опасность подошла к вам. Где же оборона, где клятвы и обещания защищать свободу народа до последнего человека? О, Аллах, твое Писание вдруг ступшевалось, и на месте, где написано, что все от малого до великого должны объявить “газават” тому, кто покушается на свободу народа, вдруг стало “все должны рабски склонить головы перед врагом”. Имам Северного Кавказа, шариатский глава Дагестана⁵⁶, скажи, откуда ты вычитал это, что Дагестан должен склонить свою седую голову перед врагом, или это плод твоих мышлений. Укажи нам это место в Коране. Мы тоже знаем шариат и Коран, но там нет такого места; там сказано, что против сотни неприятеля должен стать один правоверный, если эта сотня неприятеля покушается на его свободу». В ответ заместитель шейх-уль-ислама заявил, что шариат не позволяет вести войну с добровольцами за неимением сил, процитировал аяты из Корана и дал сбивчивые объяснения⁵⁷.

В этих выступлениях ярко выражено наличие двух соперничающих на Северном Кавказе религиозных лагерей. В современной историографии считается, что во главе одной группы стоял Гоцинский, во главе другой — шейхи Узун-Хаджи Салтинский и Али-Гаджи Акушинский. Если Гоцинский считал, что деникинцы были способны помочь горцам изгнать большевиков, то Узун-Хаджи и Акушинский считали деникинцев оккупантами, призывали горцев бороться с ними, поддерживать большевиков, ссылаясь на то, что со-

⁵⁴ Возможно, имеется в виду шейх Абдул-Басыр-Хаджи Казанищенский.

⁵⁵ Имеется в виду шейх Узун-Хаджи Салтинский, который провозгласил газават против Добровольческой армии А.И. Деникина, а после роспуска горского правительства создал Северо-Кавказский эмират со столицей в чеченском селении Ведено (1919–1920 гг.) и боролся с деникинцами.

⁵⁶ Имеется в виду Н. Гоцинский. Значит, он, будучи тогда главой Ведомства шариатских дел Горской республики, имел при этом статус имама Северного Кавказа.

⁵⁷ Борьба (Тифлис). 1919. 10 июля. П. Коцев в эмиграции писал по этому поводу, что «тенденциозная газетная заметка о неблагонадежности “большинства” парламента и правительства по части симпатий их Добрармии», появившаяся в газете «Азербайджан», была перепечатана газетой «Грузия». Коцев объясняет ситуацию иначе: значительное число депутатов находилось на фронте, многие из них разъехались по округам в целях пропаганды и мобилизации горцев на борьбу против белых (Коцев П. Указ. соч. С. 8, 9).

трудничество с ними поможет защитить ислам, так как идеалы большевиков соответствовали установкам шариата.

Лишь тогда, когда поражение Добровольческой армии было практически предрешено, Деникин обратился к горцам с призывом совместно бороться против большевизма и заявил, что признает независимость Северного Кавказа до созыва общероссийского Учредительного собрания, которое и вынесет окончательное решение по данному вопросу. Но предложение деникинцев запоздало⁵⁸. На Северный Кавказ пришли большевики, которые, согласно весьма распространенной ныне в русской историографии точке зрения, спасли тогда горцев от «самоистребления», восстановив «традиционный российский суверенитет над всем Кавказом»⁵⁹.

Большевики сумели использовать Узуна-Хаджи и Акушинского, победить с их помощью деникинцев в Дагестане. Главной внутренней причиной падения Горской республики явилось, таким образом, стремление части дагестанских религиозных деятелей установить в Дагестане свою власть. Горское правительство обращалось к правительствам Азербайджанской и Грузинской республик за помощью, но не получило от них даже военное снаряжение, в котором так остро нуждались горцы⁶⁰.

Цаликов, находившийся к этому времени в Тифлисе, 12 июля 1919 г. стал участником совещания политических деятелей Северного Кавказа и был избран председателем Комитета горцев Северного Кавказа. В сентябре 1919 г. он возглавил Союзный меджлис горцев Кавказа⁶¹, также находившийся в Тифлисе. Когда 10 октября 1919 г. в с. Леваша Даргинского округа открылся съезд представителей населения Дагестана, на который прибыли члены президиума Союзного меджлиса горцев Кавказа и большинство его членов, здесь был избран Совет обороны Чечни и Дагестана, в который вошел Цаликов. Этот Совет являлся фактически Временным правительством Дагестана, который был создан по инициативе членов Союзного меджлиса горцев Кавказа, после чего последний постановил самоликвидироваться⁶².

То, что именно шейхи оказались во главе горского движения, было объяснимо, как отмечал Цаликов в статье «Шариатизм горского движения», опубликованной 20 ноября 1919 г. «Какова идеология, вдохновляющая этих людей?»

⁵⁸ Даутов А.Х., Месхидзе А.Х. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009. С. 66, 72–73.

⁵⁹ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах. СПб, 2017. С. 466.

⁶⁰ Коцев П. Ложь не во спасение // Кавказ (Париж). 1935. № 12/24. С. 7.

⁶¹ Гражданская война в России и мусульмане. С. 44, 566, 569.

⁶² Борьба (Тифлис). 1919. 19 октября; 5, 8 ноября; Вольный горец (Тифлис). 1919. 10 ноября.

Эти лица создают шариатские полки, шариатские суды, борются за торжество начал шариата. Шариатская идеология противопоставляется ими идеологии деникинщины, идеологии большевизма и всем другим идеологиям, носящим с их точки зрения характер иноземных учений. Это явление... вполне закономерно и понятно для всякого наблюдателя горской жизни. Шариатизм — это народная реакция на деникинщину и большевизм. Народ ищет нравственного оправдания борьбы в сфере близких ему национально-религиозных понятий. Шариатизм нынешней стадии горского движения — это стремление народа исходить из присущих ему национально-бытовых и религиозно-моральных моментов». Горцы жили еще теми настроениями и чувствами, какими они жили во время длительной Кавказской войны в XIX в.⁶³

После того как вместо Деникина во главе белых войск на юге России весной 1920 г. встал ген. П.Н. Врангель, отношение к Горской республике изменилось. В результате в июне 1920 г. в Тифлисе было сформировано новое горское правительство во главе с Коцевым. В него вошли некоторые члены прежнего его состава, а также другие политики, в том числе Цаликов. Но Коцева арестовали 18 октября в Тифлисе по распоряжению грузинских властей. Существенную роль в его аресте сыграл министр иностранных дел прежнего горского правительства Г. Бамматов (бывший царский чиновник), который направил Врангелю информацию против Коцева, Цаликова и всего вновь сформированного горского правительства, в результате чего оно лишилось доверия у Врангеля и перестало получать от его правительства денежные субсидии. После вторжения в ноябре 1920 г. в Крым Красной армии и падения правительства Врангеля 17 ноября на заседании горского правительства в Тифлисе под председательством Цаликова была избрана комиссия для организации восстания горцев и борьбы против советской власти⁶⁴. Цаликов фактически возглавил правительство вместо арестованного Коцева, которого освободили только в конце 1920 г.

Цаликов к тому же создавал свою политическую партию. 15 ноября 1920 г. в своей газете «Вольный горец» он опубликовал проект Программы Социал-демократической партии Республики Союза горских народов Северного Кавказа. В данном тексте отчетливо прослеживается цаликовский стиль изложения. Относительно национального вопроса в программе сказано, что для «всех самоопределяющихся областей» бывшей империи «политическое отделение от России становится предпосылкой будущего свободного союза народов и областей». В разделе, посвященном Горской республике, указано, что

⁶³ Вольный горец (Тифлис). 1919. 20 ноября.

⁶⁴ Жутикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016. С. 155–157, 176.

горцы провозгласили, как и другие народы Кавказа, «свою государственную независимость, образовав независимую демократическую Республику Союза горцев Северного Кавказа». Ее первоочередными задачами являлись изоляция горских народов от гражданской войны и устройство мирной государственной жизни населения на демократических началах в рамках независимого государства. Программа предусматривала также созыв Великого Учредительного союзного меджлиса вольности горских народов (Учредительного собрания), свободно избранного всем населением края⁶⁵.

Наряду с политической и журналистской деятельностью Цаликов занимался и научной работой. Он стал первым публикатором документов и материалов, освещающих события этого периода на Северном Кавказе. Уже тогда он высказывался относительно трудностей изучения этого времени, в частности, этого региона. «Будущему историку... в этой области предстоит большая и интересная работа. Мы не берем на себя этого непосильного труда историка...»⁶⁶ — писал он в начале 1919 г. Тем не менее он много сделал для создания источниковой базы документального освещения событий гражданской войны на Кавказе. Так, в конце 1920 г. в Тифлисе под его редакцией и с его предисловием готовились к печати два выпуска сборника под названием «Борьба с Добрармией. Материалы по истории революционной борьбы горских народов Северного Кавказа» (Вып. I (апрель — сентябрь 1919 г.); Вып. II (сентябрь 1919 г. — январь 1920 г.)). Кроме того, Цаликов как публицист написал две книги — «По восставшему Дагестану. Заметки и наблюдения» и «Два года в Грузии. (1919 г. и 1920 г.). Встречи и впечатления»⁶⁷. Все эти издания, однако, не увидели свет, а их рукописи до сих пор не найдены.

Цаликов в эмиграции

После разгрома Грузинской республики и установления здесь в начале 1921 г. советской власти Цаликов покинул Тифлис, увезя с собой личный архив. Сначала он приехал в Батум, оттуда перебрался в Турцию, где стал играть важную роль в делах общекавказской политэмиграции. Так, в письме А.-М. Топчибашеву (в Париж), датированном 1 декабря 1921 г., он писал из Стамбула, что «неблагоприятные материальные условия тормозят мое выздоровление, но иншаллах⁶⁸ — я думаю, что я все же выздоровлю и еще поработаю на общую с Вами цель». 2 декабря Цаликов написал ему, что 1 декабря в Стамбуле было создано Информационное бюро Союза четырех республик

⁶⁵ См.: Гражданская война в России и мусульмане. С. 541–548.

⁶⁶ Борьба (Тифлис). 1919. 2 марта.

⁶⁷ Вольный горец (Тифлис). 1920. 31 декабря.

⁶⁸ Если Бог пожелает (араб.).

Кавказа (Азербайджанской, Армянской, Грузинской и Горской). Секретарем этого бюро был избран Цаликов⁶⁹.

В начале 1924 г. Цаликов перебрался в Чехословацкую республику. В апреле 1924 г. в Праге появилась первая политическая организация кавказцев-эмигрантов под названием «Союз горцев Кавказа», которую он возглавил⁷⁰. Он также стал редактором первого выпуска литературного и научного сборника «Кавказский горец», который стал издаваться этим союзом в Праге в 1924 г.

Цаликов представлял горцев на различных мероприятиях русской эмиграции, которые касались проблем Кавказа и его населения. Так, 14–16 апреля 1924 г. в Праге состоялись лекции П.Н. Милокова по национальному вопросу в России, после которых 17 апреля состоялась дискуссия. Цаликов принял активное в ней участие, раскритиковав взгляды докладчика⁷¹. 6 июня 1924 г. в Русском доме в Праге Цаликовым был сделан доклад «Борьба общественных сил на Северном Кавказе». В докладе рассматривался вопрос о горско-казачьих отношениях в 1917–1919 гг. в Терском крае, о причинах их столкновений. В начале своего доклада он вспомнил характерный случай из своего детства. Ахмед ехал с отцом на телеге, нагруженной тяжелой кладью. Повстречались с казаком, едущим навстречу с пустой телегой. Отец уступил ему дорогу. Когда Ахмед спросил отца, почему он это сделал, тот ответил: «Кзаки нас покорили, и мы должны им уступать». С точки зрения Цаликова, чтобы нормализовать отношения между ними, нужно признать право горских народов на самоопределения, а казакам Кубани и Терека следует уступить часть своих чересполосных земель горцам, прекратить господствовать над ними, войти в состав Горской республики как кантон и признать создание Кавказской федеративной республики (или Соединенных штатов Кавказа)⁷².

Активность Цаликова в Праге, его выступления и публикации вызвали недовольство среди части горских эмигрантов. В результате 22 августа 1924 г. в русской эмигрантской газете «Дни» (издавалась тогда в Берлине) была опубликована статья Цаликова, в которой сообщалось, что вследствие возникших среди горских политиков разногласий ему пришлось выйти из правления Союза горцев Кавказа.

Осенью 1924 г. он какое-то время находился в Париже⁷³. Здесь в ноябре 1924 г. был создан Кавказский комитет (Комитет освобождения Кавказа).

⁶⁹ Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen, l'École des hautes études en sciences sociales (Paris). Archives d'Ali Mardan-bey Topchibachi. Carton n° 5. Фотокопии предоставлены Г. Мамулиа.

⁷⁰ Marshall A. The Caucasus Under Soviet Rule. New York, 2010. P. 217.

⁷¹ Огни (Прага). 1924. 14, 28 апреля.

⁷² Кавказский горец (Прага). 1924. № 1. С. 71; Казачий путь (Прага). 1924. № 19. С. 11–12; № 20. С. 1–2.

⁷³ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 5. М., 2010. С. 476.

Интересно, что одним из представителей Северного Кавказа в комитете стал не Цаликов, а Бамматов, который, как выше отмечалось, скомпрометировал второе правительство Горской республики и внес тем самым раскол в союз врангелевцев и горцев, боровшихся с большевиками. Конечно, Цаликов не раз приезжал в Париж и встречался с Топчибашевым.

Важной стороной его жизни в Праге была журналистика. Для газеты «Дни» он писал на различные темы. Сохранилось несколько его рукописей, которые он посылал в ее редакцию, в частности: «Съезд русских ученых в Праге» (получена в редакции 27 сентября 1924 г.), «Подозрительный демократизм» (получена в редакции 28 октября 1924 г.), «Отцы и дети» (получена в редакции 1 ноября 1924 г.), «День русской культуры» (получена в редакции 11 июня 1925 г.), «Театр русской драмы в Праге» (получена в редакции 10 октября 1925 г.), «Новая русская литература в евразийском понимании», где он анализировал доклад П.Н. Савицкого в Русском доме в Праге. Эти рукописи он подписывал псевдонимом «Джин» (сокращенно — Дж.)⁷⁴. В газете «Дни» (с сентября 1924 г. стала издаваться в Париже) печатались его материалы, как правило, под этим псевдонимом, например, статья о Социалистическом объединении русских студентов в Чехословакии, которое организовало доклад В.М. Чернова «Аграрный вопрос в современном социализме» в Праге⁷⁵. Многие другие его публикации означали, что он являлся пражским корреспондентом газеты «Дни».

Кроме того, он продолжал писать разного рода произведения: в 1924 г. закончил 1-й том записок «Кавказ в огне революции», готовил к печати роман из революционной жизни Кавказа — «Записки кавказца», закончил первую часть физико-географического, статистического, этнографического, лингвистического, экономического и политического очерка «Горская республика»⁷⁶.

Важным событием в жизни кавказской эмиграции стало открытие в октябре 1925 г. при пражском Институте изучения России Общества кавказоведения, одним из учредителей последнего стал Цаликов. Общество, как он объяснял, является строго научным учреждением, не преследующим никаких политических и партийных целей, и ставит своей задачей изучение природы, населения, быта, культуры, экономики и политической жизни Кавказа в прошлом и настоящем, а также ознакомление с этими данными общественности европейских и других стран. Цаликов стал членом временного бюро общества и готовился выступить с докладом «Физико-географическое описание

⁷⁴ См.: ГАРФ. Ф. Р-5878. Оп. 1. Д. 431. Л. 1–2; Д. 432. Л. 1–2; Д. 433. Л. 1–3; Оп. 2. Д. 109. Л. 1–4, 7–14, 18–19.

⁷⁵ Дни (Париж). 1924. 27 октября.

⁷⁶ Кавказский горец (Прага). 1924. № 1. С. 71.

территории горских народов Кавказа и этнографические, лингвистические и статистические данные об этих народах»⁷⁷.

Как корреспондент газеты Цаликов был в курсе общественной и культурной жизни русской эмиграции в Праге. Так, заметка, посвященная пражской труппе Московского художественного театра, в которой подробно освещалась ее гастрольная жизнь в Европе, и заметка об открытии сезона этой труппы⁷⁸ показывают, что Цаликов был и театральным критиком. В сообщении «28 октября и русская эмиграция» он рассказывал о торжественных собраниях русских эмигрантов в Праге, посвященных 7-летию со дня провозглашения независимости Чехословацкой республики⁷⁹. В форме письма в редакцию парижской газеты он излагал доклад В.М. Чернова «Эмиграция и Россия» и дискуссию вокруг него, которая состоялась в Праге 6 декабря 1925 г.⁸⁰ Иногда материалы Цаликова печатались вообще без подписи. Так, в заметке «Первый пражский русский театр» сообщалось, что 2 ноября открывается сезон постоянного Русского драматического театра, его состав, репертуар и др.⁸¹ В архиве сохранилась рукопись этой заметки, которая написана им⁸². Его сообщения о литературных вечерах русских эмигрантов⁸³ свидетельствуют, что он разбирался в русской литературе и поэзии, т.е. был и литературным критиком. На собраниях литературного кружка в пражском кафе «Далиборка» зачитывалась пьеса и самого Цаликова, которая называлась «Шутки шайтана», посвященная кавказской жизни⁸⁴. Он также написал пьесу «Хаджи-Мурат»⁸⁵, т.е. был и драматургом.

Цаликов хорошо знал жизнь и грузинской эмиграции, ее проблемы. Этому посвящено, в частности, его письмо Е.Д. Прокопович-Кусковой, где он отмечал: «Грузинские национал-демократы — наиболее ярые враги России и русской ориентации. Кто угоден только не Россия — вот их политический лозунг. Сейчас они видят спасение в английском протекторате»⁸⁶.

Проблемы Кавказа были в центре его размышлений. Как политолог он изучал текущую политику советской власти на Кавказе, используя при этом советские источники. Так, в заметке «Казачи, иногородние и горцы» он писал: «Прошло уже шесть лет, как в результате кровопролитной гражданской

⁷⁷ Дни (Париж). 1925. 22 октября

⁷⁸ Там же. 16 октября; 22 декабря.

⁷⁹ Там же. 3 ноября.

⁸⁰ Там же. 8 декабря.

⁸¹ Там же. 3 ноября.

⁸² ГАРФ. Ф. Р-5878. Оп. 1. Д. 432. Л. 1–2.

⁸³ Дни (Париж). 1925. 6 ноября, 29 декабря.

⁸⁴ Там же. 2 декабря.

⁸⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2295. Оп. 1. Д. 38. Л. 9.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 542. Л. 2.

войны Северный Кавказ был очищен от добровольческой армии и занят большевиками. Пришла новая власть. Сумела ли она изжить национальные и социальные противоречия края? В этом отношении яркие страницы можно найти в только что вышедшем из печати стенографическом отчете краевого совещания по работе среди казачества, происходившем при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) (22.VI — 26.VI 1925 г., Ростов-на-Дону). Далее им излагались фрагменты доклада секретаря этого крайкома Н.Ф. Гикало о ситуации на Северном Кавказе. В конце сообщения Цаликов высказал свой взгляд на проблему: «Уродливые проявления социальной и национальной вражды могут быть изжиты только в условиях правового демократического строя, с его уважением к правам личности, с его свободным простором для общественной самостоятельности и борьбы общественных сил, с его широкой возможностью культурного развития»⁸⁷. Таким он видел будущее жизни горцев Северного Кавказа.

В этом же номере имеется еще одна его заметка, которая посвящена работе Общества кавказоведения в Праге. Из нее следует, что Цаликов, будучи уже председателем бюро этого общества, выступил на его заседании с речью, в которой были указаны цели и задачи общества, а затем сделал доклад, где приводились физико-географические, этнографические, лингвистические, исторические, экономические и другие сведения о Кавказе. Это общество действовало до 1927 г., прекратив работу из-за отсутствия финансирования, о чем Цаликов писал Чернову, прося его помочь в этом вопросе⁸⁸.

К январю 1926 г. Цаликов завершил работу над очерком «Горская республика». Кроме того, он как писатель работал над, по его собственному определению, эпопеей из пяти романов: «Брат на брата», «Окровавленные горы», «Семь звезд», посвященных событиям гражданской войны на Северном Кавказе и в Грузии, «Правда жизни» (об эмигрантской жизни в Чехословакии) и «Вилла Саид-паши» (о событиях в Турции)⁸⁹. Только одно сочинение было издано, а именно: роман «Брат на брата» появился в Праге в 1926 г. Были разные отзывы на это сочинение. Так, известный русский лингвист и политэмигрант С.И. Карцевский увидел в этом произведении, посвященном осетинам, половину которых тогда составляли мусульмане, половину христиане, «нарождающееся в огне гражданской войны самосознание маленького народа»⁹⁰, высокомерно характеризуя национальное чувство этого народа, численность которого составляла тогда около 200 тыс. человек.

⁸⁷ Дни (Париж). 1925. 11 декабря.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 94. Л. 1.

⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 2295. Оп. 1. Д. 38. Л. 9.

⁹⁰ Карцевский С. Художественная литература // Славянская книга (Прага). 1926. № 1. С. 52.

В Праге в ноябре 1926 г. возникла Народная партия горцев Кавказа. Главной целью ее было создание независимой Горской республики в составе Кавказской конфедерации⁹¹. Партию возглавил Цаликов⁹². В историографии ошибочно считается, что ее с самого начала возглавил С. Шамиль.

В 1927 г. здесь стал выходить новый журнал «Вольные горцы», который являлся печатным органом этой партии. В каждом его номере есть цаликовские тексты, в которых он излагал свои взгляды. Так, он писал, что «нынешний коммунизм — это та же старая российская деспотия, перекрашенная в красный цвет, придавивший наш народ, не дающий ему возможности дышать вольной грудью»⁹³. В мае 1927 г. он в этом журнале призвал осудить парижский горский центр, «претендующий на политическое представительство»⁹⁴. Здесь речь идет о Временном объединенном политическом центре Северного Кавказа и Азербайджана, который был создан в Париже в январе 1927 г. Бамматовым⁹⁵, давним соперником Цаликова.

Из Праги Цаликову пришлось уехать в Польшу. В письме, датированном 7 апреля 1928 г., он писал из Варшавы своему соратнику в Берлин: «Перебрался из Праги в Варшаву в Восточный институт, где организуется горская секция». Здесь «горская колония более интересная, чем в Праге, где кроме кляуз и ссор в конце концов ничего не получилось. В развале пражской колонии горцев не малую роль сыграл... Кази-хан Бешолты⁹⁶. Ну, Аллах ему судья! Лично я доволен, что покинул Чехословакию, а то в этом болоте — можно было кончить жизнь самоубийством. Посмотрим, что даст Варшава и Восточный институт...»⁹⁷. Этот отъезд Цаликова — следствие, во-первых, конфликта представителей двух эмигрантских групп горской элиты: демократов-республиканцев с монархистами. Во-вторых, в Праге Цаликов, как верно отметил кавказовед С.Э. Берзег, разочаровался в русских социалистах, которые, на его взгляд, уже не были ни социалистами, ни революционерами, и пришел к выводу, что кавказские народы в борьбе за свою политическую независимость могут полагаться только на себя. Цаликов был лидером прометеевского дви-

⁹¹ «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 20.

⁹² Исхаков С. «Прометей» и мусульмане Кавказа, Крыма, Поволжья, Туркестана и Урала // Ruch prometejski i walka o przebudowę Egiptu Wschodniej (1918–1940). Warszawa, 2012. С. 256.

⁹³ Ахмед. О родине и воле // Вольные горцы (Прага). 1927. № 1. С. 14.

⁹⁴ ЦЦаликкати А. Разъединение и объединение // Вольные горцы (Прага). 1927. № 2. С. 9.

⁹⁵ Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». Сборник документов / Сост., пред., пер., прим. Г.Г. Мамулия. М., 2012. С. 216.

⁹⁶ Бесолов (по-осетински Бешолты, Бесолты) Казихан — в 1919 г. адъютант во 2-м Осетинском полку Добровольческой армии, в 1920 г. в Турции, член Союза горцев Кавказа и Народной партии горцев Кавказа, в которой являлся секретарем дипломатического представительства.

⁹⁷ Цаликов А. Избранное. С. 499–500.

жения в Праге⁹⁸, которое фактически уже было налицо. В-третьих, появление Цаликова в Варшаве было связано с тем, что там в 1928 г. было создано Общество «Прометей».

Показательно, что последняя его публицистическая статья, посвященная общественной жизни горцев Кавказа, была опубликована в августе 1928 г. именно в журнале «Прометей». В ней он предсказывал, что не за горами время, когда ярмо красного деспотизма рухнет с тем же треском, как и царское, и горцы станут свободными гражданами своих государств⁹⁹. 2 сентября 1928 г. он умер в возрасте 45 лет.

Польская газета «Курьер Варшавский» 4 сентября 1928 г. поместила подготовленный Восточным институтом некролог о нем, охарактеризовав его как выдающегося осетинского литератора и публициста, политического и общественного деятеля горских народов Кавказа, отметив, что похороны состоятся 4 сентября на мусульманском кладбище на ул. Татарской в Варшаве¹⁰⁰.

В начале 1935 г. в Париже при открытии конференции кавказских политических деятелей и организаций, входящих в движение «Прометей», представители Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа почтили вставанием память Н. Рамишвили, А.М. Топчибашева и А. Цаликова¹⁰¹, тем самым высоко оценив вклад, в частности, Цаликова в прометеевское движение, как одного из инициаторов создания Кавказской конфедерации.

Часть документов, которые хранились в личном архиве А. Цаликова в Праге, попала в так называемый Русский заграничный исторический архив в Праге, который в 1945 г. был вывезен в СССР, и впоследствии эти материалы оказались в спецхране ЦГАОР СССР («Пражский архив») и только во время перестройки были рассекречены. Ныне эти документы находятся в ГАРФ Российской Федерации и разбросаны по разным фондам. К примеру, здесь сохранились фрагменты упоминавшейся рукописи Цаликова «Горцы Кавказа в борьбе с Добрармией»¹⁰². Все эти материалы и другие неизвестные источники, которые еще предстоит найти в архивах разных стран, в том числе в Варшаве и Париже, могут существенно расширить знания о том, какой конкретный вклад внес Цаликов в прометеевское движение.

Таким образом, А. Цаликов — яркий, своеобразный представитель демократической общественности мусульманского населения Российской империи начала XX в., свою политическую жизнь начал как социалист-мусульманин. В

98 *Berzeg S.E.*, *Kuzey Kafkasya Cumhuriyeti 1917–1922*. С. III. İstanbul, 2006. S. 426.

99 См.: *Tsalikatti A.* *La vie sociale des montagnards du Caucase // Prométhée*. 1928. № 21. P. 14–19.

100 *Салагаева З.*, Указ. соч. С. 500.

101 Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей»... С. 101.

102 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 880. Л. 1–183.

1917 г. он возглавил Всероссийский мусульманский совет, который боролся за права мусульман Евразии, в том числе Северного Кавказа. Он — несомненный демократ, модернист и прогрессист, в то же время придавал огромное значение сохранению национальных и религиозных традиций и институтов. Находясь на Северном Кавказе в 1918–1921 гг., он сделал много для самоопределения горцев, для их независимости.

Его работа как историка, журналиста, публициста, политолога, писателя и драматурга в эмиграции представляет большой интерес. Десятки его публикаций, как правило, под псевдонимом (который впервые удалось расшифровать) имеют в различных эмигрантских изданиях, особенно в берлинско-парижской газете «Дни», которые еще предстоит проанализировать с различных точек зрения. Как у многих эмигрантов, у Цаликова была обычная для их литературной жизни необходимость неназывания себя в печати в целях конспирации, используя псевдоним во избежание какой-либо мести со стороны своих врагов. Его эмигрантский псевдоним «Джин» очень выразителен, вызывает целый ряд ассоциаций.

В эмиграции он, неоднократно бывая в Париже, вел большую прометеевскую деятельность, создал Народную партию горцев Кавказа, внес большой вклад в создание Кавказской конфедерации. Анализируя движущие «пружины» многолетней борьбы северокавказских горцев за свою свободу, он был убежден, что у любой негорской власти нет и не будет поддержки в горских массах, что идея Горской республики останется притягательной для них.

Др. Салават Исхаков — историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. Область его научных интересов охватывает историю Российской империи начала XX века, в частности, период Октябрьской революции, а также историю мусульманского меньшинства в России.

